
Изнанка
одиночества
Олеся Сагер

Олеся Сагер

Изнанка одиночества

«Автор»
2026

Сагер О.

Изнанка одиночества / О. Сагер — «Автор», 2026

В пятнадцать лет Полина Вишневская знает о психиатрии больше, чем о жизни сверстников. Для мамы-медика и одноклассников она — сложный подросток с диагнозом, которому нужны таблетки и покой. Но сама Полина точно знает: её проблема в том, что темнота в углу комнаты никогда не бывает пустой.За ней по пятам следует тень — юноша из позапрошлого века с горящими белыми глазами, притянувшийся на звенящую пустоту её одиночества. Это Влад Воронцов, шестнадцатилетний парень из 1889 года, оболганный и погибший в заточении.У Полины есть всего две недели, чтобы очистить его имя, прежде чем строительная компания семьи её одноклассника Артёма Маликова сравняет с землей старую усадьбу Залесье, похоронив под бетоном последнюю правду о трагедии прошлого. Но как спасти того, кого невозможно даже коснуться, и что делать, если разгадка вековой тайны разрушит жизни живых?

© Сагер О., 2026
© Автор, 2026

Олеся Сагер
Изнанка одиночества

Моей дочери — за искру, с которой начался этот мир. Помни, что не всё является тем, чем кажется на первый взгляд.

Пусть твой взгляд всегда умеет видеть глубже, замечать скрытое и находить свет даже в самой глухой темноте.

Глава 1. Точка замерзания

Тот октябрь четырнадцатого года жизни Полины пах сыростью, пустыми коридорами и тишиной, от которой закладывало уши. За три недели до этого отец молча собрал два чемодана, оставил ключи на обувнице в прихожей и ушел, закрыв за собой дверь с негромким, окончательным щелчком. Мама Анна отреагировала на это по-своему, по-медицински: она просто заперла свои эмоции в самый дальний ящик и с головой ушла в бесконечные двенадцатичасовые смены, пытаясь выжечь боль усталостью.

Полина осталась одна. В старой трехкомнатной квартире, где каждый угол теперь казался слишком просторным, внутри нее медленно росла звенящая, холодная пустота. А через неделю организм не выдержал стресса, и её свалил тяжелый, агрессивный грипп.

В ту ночь температура поднялась до тридцати девяти с половиной. Градусник под мышкой казался раскаленным штырем. Озноб, мучивший Полину вечером, наконец прошел, сменившись удушающим, сухим жаром. Полина лежала в темноте своей спальни, сбросив на пол тяжелое одеяло, и судорожно ворочалась, пытаясь отыскать на подушке хотя бы одно прохладное место. Кожа горела, воздух в комнате казался вязким и горячим, а перед глазами плыли липкие круги фебрильного бреда.

Всё началось ровно в три часа ночи.

Полина повернулась на левый бок и замерла. В дальнем углу, прямо между платяным шкафом и дверью, свет от фонаря внезапно перестал падать на обои. Будто кто-то вырезал кусок пространства. Темнота там не просто сгустилась — она стала осязаемой, тяжелой и маслянистой.

Полина зажмурилась, решив, что это галлюцинация от жара, посчитала до десяти и снова открыла глаза.

Мрак в углу стал объемным. Он медленно, бесшумно пополз вверх по стене, расправляя рваные, косматые дымчатые края и вытягиваясь под самый потолок. У существа не было лица, тела или одежды, но Полина отчетливо видела силуэт подростка, соткавшийся из первородной тьмы. И тут, прямо на уровне её лица, в этом черном мареве вспыхнули две точки. Немигающие, фосфоресцирующие белые огоньки. Они загорелись мягким, но леденящим светом и уставились прямо на неё.

Полину прошиб первобытный, животный ужас. Она попыталась закричать, позвать маму, но воспаленное горло выдало лишь глухой, хриплый сип. Одеяло мгновенно показалось слишком тонким, неспособным защитить от того, что медленно отделялось от стены.

Существо сделало мимолетное, плавное движение в её сторону.

В ту же секунду комната превратилась в морозильную камеру. Температура упала так резко, что Полина увидела собственное бледное, рваное дыхание. По оконному стеклу изнутри с тихим шуршанием поползли ветвистые узоры инея. Стоявший на тумбочке стакан с морсом покрылся ровной, матовой коркой льда. Лежащий на одеяле смартфон коротко вибрировал:

экран вспыхнул предупреждением о критическом перегреве, хотя в комнате был лед, пошел серыми полосами и мгновенно отключился, разрядившись в полный ноль за долю секунды.

Полина с головой забилась под одеяло, сжавшись в крошечный комок. Сердце колотилось в ушах, как сумасшедший метроном. Она зажала рот ладонями, задыхаясь от ледяного воздуха, который просачивался сквозь шерстяную ткань, и молилась только об одном — дожить до рассвета. Она ждала, что эта тварь сейчас сорвет с нее защиту.

Но ничего не происходило.

Вместо удара в тишине замерзшей комнаты раздался звук. Это не были шаги или скрежет когтей. Прямо внутри её собственной головы, мягко и испуганно, отозвался тихий, шелестящий вздох. Он был похож на шуршание сгорающей старой бумаги. В этом вздохе не было злости или жажды крови. В нем было такое же безграничное, космическое одиночество, какое Полина носила в себе последние недели.

Существо не пришло убивать. Две пустоты — вековая тьма из прошлого и брошенная девочка в настоящем — просто притянулись друг к другу, как магниты, когда её защитные барьеры рухнули от болезни. Тень нашла свой маяк.

Утром Анна влетела в квартиру, сбрасывая на ходу медицинскую сумку. Сердце подсказало ей, что что-то не так, когда дочь перестала отвечать на звонки.

Распахнув дверь в спальню, Анна похолодела. Комната встретила её странной, плотной прохладой, хотя батареи грели на полную мощность. Полина сидела на кровати, намертво завернувшись в кокон из одеял. Её лицо было белее подушки, губы потрескались, а дикие, расширенные зрачки были прикованы к абсолютно пустой стене возле шкафа.

— Полечка! Боже мой, маленькая моя… — Анна бросилась к ней, прижимая ладонь к её лбу. Кожа горела. — Температура зашкаливает. Почему ты не пила жаропонижающее? Почему телефон выключен?

Анна схватила смартфон с одеяла — корпус устройства был ледяным, как кусок металла из морозилки. На тумбочке стоял треснувший от замерзшей жидкости стакан с морсом, но Анна, погруженная в панику, даже не обратила на это внимания. Для нее, как для опытного медика, всё было очевидно.

— Мам… там… в углу, — просипела Полина, указывая дрожащим пальцем на светлые обои. — Он смотрел на меня. У него белые глаза. Он весь из дыма. Он до сих пор там стоит, мам…

Анна медленно повернулась к углу. Там было пусто. Обычные солнечные лучи падали на платяной шкаф.

— Тихо, тихо, родная, это бред. Фебрильный делирий, — Анна судорожно вытаскивала из сумки ампулу с анальгином и шприц. Её голос дрожал, но она отчаянно пыталась звучать как профессионал. — При такой высокой температуре мозг выдает сильнейшие галлюцинации. Это просто спецэффекты твоего сознания из-за вируса и стресса. Сейчас сделаем укол, всё пройдет. Я рядом.

Полина закрыла глаза, покорно подставляя плечо под иглу. Она знала, что мама врет сама себе. Потому что даже со сбитой температурой, даже когда жар спал, а наступил полдень, эта маслянистая тень никуда не исчезла. Она просто сжалась, став плоской, и легла незаметным темным пятном у самого плинтуса.

С этого дня жизнь Полины раскололась. Анна, напуганная этой «вспышкой безумия» дочери, уже через неделю сидела в кабинете детского психиатра, доктора Аверина. В медицинскую карту Полины лег первый, пока еще осторожный диагноз. Потянулись бесконечные рецепты, капсулы, которые заставляли тень блекнуть, но никогда не стирали ее до конца. Мама Анна начала свой крестовый поход ради спасения «нормальности» дочери, забивая свой страх

одиночества лечением. А Полина научилась молчать и прятать таблетки, понимая: её личное, леденящее безумие стало единственным, что не давало ей окончательно раствориться в этой пустоте.

Глава 2. Обратная сторона темноты

С той леденящей ночи прошел почти год. Полина повзрослела на целую вечность, научилась виртуозно врать врачам и вместе с мамой сменила квартиру, переехав в другой район. Но расписание приемов в детском отделении городской психиатрии по-прежнему оставалось неизменной частью её жизни.

В свои пятнадцать лет Полина Вишневская знала расписание приемов в детском отделении городской психиатрии наизусть. Она знала тусклый цвет линолеума в коридоре, знала, как скрипит под весом пациентов кушетка, и могла по памяти перечислить все побочные эффекты трех видов нейролептиков. Официально у нее был целый букет диагнозов, которые сменяли друг друга каждые полгода: от синдрома повышенной тревожности до шизотипического расстройства. В новой школе, куда они переехали три месяца назад, Полина сразу получила ярлык «странной тихони». С ней не враждовали, но её сторонились, словно её замкнутость была заразной.

Для учителей и одноклассников Полина была просто сложным подростком в пограничном состоянии. Но сама она знала: ее главная проблема заключалась в том, что темнота вокруг нее никогда не была пустой.

Существо появилось в ее жизни около года назад, после затяжного гриппа. Сначала это казалось обычным обманом зрения — просто странная, слишком густая тень в углу комнаты, которая не исчезала, когда включали верхний свет. Но со временем она обрела объем. Тень соткалась из маслянистого, угольно-черного мрака и стала осязаемой. У нее не было четких человеческих черт, кроме двух немигающих, фосфоресцирующих белых точек вместо глаз. Они горели мягким, леденящим светом и провожали Полину взглядом, куда бы она ни шла.

Хуже всего было то, что никто больше этого не видел.

— Поля, ты снова зависла, — настойчивый голос мамы заставил Полину вздрогнуть.

Они сидели на кухне. На часах было около восьми вечера. Анна, старшая медсестра кардиореанимации, устало потерла переносицу. Перед ней на чистой скатерти лежал блистер с матовыми капсулами и стоял стакан воды. Как медик, Анна признавала только доказательные факты, графики и рецепты. Пережив несколько тяжелых разводов, она сузила весь свой мир до единственной дочери и теперь панически боялась её потерять. Эта гиперопека душила, но Анна искренне верила, что спасает своего ребенка.

— Я просто задумалась про уроки, мам, — тихо ответила Полина, поправляя рукава безразмерного черного худи.

— Доктор Аверин говорит, что терапия дает плоды, если не пропускать приемы, — Анна вздохнула, и в ее голосе проступила пугающая беспомощность. — Но ты уже пять минут смотришь в пустой угол коридора. Я не могу смотреть, как ты уходишь в себя, Поля. Выпей, пожалуйста. Ради меня.

Полина посмотрела на капсулу. Для мамы это лекарство было надеждой вернуть «нормальную дочь». Для Полины — вязким болотом, которое высушивало мозг, лишало сил и превращало мысли в серый кисель. Химия заставляла существо на стене блекнуть, превращаться в плоское пятно, но никогда не уничтожала его до конца.

Полина взяла таблетку, сделала быстрый глоток воды и привычным движением спрятала капсулу под язык.

— Вот и умница, — Анна облегченно выдохнула, подошла и крепко обняла её за плечи.

Через мамино плечо Полина смотрела прямо в темный коридор. Из угла медленно опустился косматый черный силуэт. Две фосфорные точки бесстрастно глядели на них. Существо плавно протянуло свои дымчатые руки и прикрыло спину Анны прохладным крылом. Тень не злилась. Она словно разделяла с Полиной эту глухую семейную драму, защищая маму от собственного мрака. Полина давно поняла этот закон: существо не было монстром, оно просто тянулось к пустоте внутри неё, заполняя её одиночество своим.

— Я пойду к себе, нужно дописать конспект, — прошептала Полина, высвобождаясь из объятий.

Закрывшись в своей комнате, она немедленно выплюнула капсулу в салфетку и спрятала ее в тайник под матрасом — туда, где уже покоился десяток таких же нетронутых таблеток.

Полина подошла к рабочему столу и открыла ноутбук. Тень на стене послушно перетекла вслед за ней. На экране горел открытый сайт с местными новостями: «Снос исторического наследия: на месте руин усадьбы Залесье построят новый торгово-развлекательный комплекс». Инвестором проекта выступала крупная городская компания, принадлежащая семье Маликовых — её одноклассников.

Когда Полина дошла до строчки об истории усадьбы, экран ноутбука на секунду пошел ледяными помехами, а по стеклу окна побежали тонкие морозные узоры. Воздух вокруг стал настолько холодным, что у Полины изо рта пошел слабый пар. Настольная лампа моргнула и погасла.

Она медленно повернула голову. Черный силуэт беспокойно колыхался, дымчатые края рвались, а белые глаза-точки горели ярче обычного.

— Усадьба Залесье, — вполголоса произнесла Полина. — Ты ведь был там? Тебя это тревожит?

Тень замерла. Она медленно наклонила голову набок. И в этот момент в сознании Полины отчетливо прозвучал чужой, тихий шепот: «Да…»

Полина затаила дыхание. Это был первый раз, когда существо ответило ей так ясно. Она судорожно вбила в поисковую строку запрос по архивам 1889 года и кликнула на старую оцифрованную статью из губернской газеты.

С пожелтевшей страницы на нее смотрел шестнадцатилетний парень. Это была репродукция старинного портрета, написанного маслом. У юноши со снимка были светлые растрепанные волосы, правильные черты лица и грустный, пронзительный взгляд, который словно смотрел сквозь время. Подпись под снимком гласила: «Трагедия в Залесье. Сын инженера, шестнадцатилетний Влад Воронцов, обвиненный в убийстве дочери хозяина усадьбы, скончался в карцере, до последнего вздоха отрицая свою вину».

Черная тень на стене медленно вытянула дымчатую ладонь и коснулась экрана, прямо там, где было лицо парня. Монитор под ее пальцами словно подернулся тонкой коркой инея.

Полина перевела взгляд с портрета своего ровесника из девятнадцатого века на жуткое существо, стоявшее в ее комнате. Ее сердце пропустило удар. Она поняла, что перед ней не болезнь. Перед ней был Влад. Мальчишка, которого обвинили в страшном преступлении и заперли в темноте больше века назад. И у них оставалось всего две недели, прежде чем Маликовы сравняют остатки усадьбы с землей, навсегда уничтожив шанс очистить его имя.

Глава 3. Точка невозврата

Утро понедельника пахло мокрым асфальтом, дешевым школьным мелом и застарелым страхом. Полина сидела на задней парте в кабинете истории, глубоко уткнувшись подбородком в растянутый воротник своего безразмерного черного худи. Этот воротник служил ей чем-то вроде защитного панциря — если натянуть его повыше, можно было притвориться, что тебя вообще не существует.

После ночи, проведенной за экраном ноутбука, реальность казалась Полине чужой, плоской и раздражающе громкой. Одноклассники вокруг смеялись, швыряли друг в друга скомканными листами бумаги, обсуждали новые треки и выходные. Обычная, нормальная жизнь обычных, нормальных подростков. Полина в эту картину не вписывалась. За три месяца, прошедших с момента их с мамой переезда в этот район, она так и не обзавелась ни одной подругой. В 9 «Б» она сразу получила негласный статус «странной тихони». С ней не враждовали открыто, но её обходили стороной, словно её замкнутость и вечно бледное лицо были заразной болезнью.

Влад был здесь, рядом. Окружающие видели лишь то, что в углу класса за спиной Полины свет от люминесцентных ламп ложился чуть более тускло, образуя странную, густую полутень. Но сама она кожей чувствовала его присутствие — по едва заметной, прохладной пульсации воздуха, которая мягкими волнами исходила от старых обоев. Черный силуэт вел себя смирно, плавно колыхаясь в такт мыслям Полины, но две фосфорные точки вместо глаз не мигая смотрели в пространство.

Дверь в класс с грохотом распахнулась, и вместе с шумной волной прохлады из коридора вошли Маликовы. Они всегда двигались так, будто им принадлежало это здание, этот город и само время.

Артём Маликов, высокий, широкоплечий парень в дорогой спортивной куртке, с ходу швырнул свой рюкзак на переднюю парту и тут же обернулся к ребятам из параллельного класса. Он что-то бурно и эмоционально доказывал, активно жестикулируя, а вокруг него мгновенно образовалась толпа. В Артёме не было высокомерия. Его любили просто за то, что с ним было легко — открытый смех, живая мимика, готовность прийти на помощь с домашкой или подбросить до дома на отцовской машине. Он был воплощением абсолютного, нерушимого благополучия.

Его сестра-близняшка Валерия держалась совершенно иначе. Она медленно прошла к своей парте, брезгливо поправив ремешок брендовой сумки. Идеально прямая спина, безупречная укладка волос, на которую явно ушел не один час, и ледяной, оценивающий взгляд. Валерия смотрела на одноклассников как на массовку в низкобюджетном кино. У нее было абсолютно всё, о чем только могла мечтать пятнадцатилетняя девчонка, но её лицо выражало глухое, ничем не пробиваемое недовольство. Она забивала свою внутреннюю пустоту злостью и гордыней, выстраивая между собой и миром высокомерную броню.

Внезапно тень за спиной Полины резко дернулась. Черный косматый силуэт на стене вытянулся под самый потолок, рваные дымчатые края задрожали, а белые глаза-точки яростно вспыхнули. Воздух в кабинете стремительно остыл — так резко, что у Полины перехватило дыхание, а из рта вырвался едва заметный прозрачный пар. Влад смотрел прямо на Маликовых. Точнее, на Валерию. В его безмолвной ярости сквозило что-то личное, вековое.

Артём посреди фразы вдруг осекся, вздрогнул и передернул плечами, испуганно оглядываясь по сторонам.

— Бр-р, ну и сквозняк из окна прилетел, — пробормотал он, судорожно потирая предплечья. Его взгляд случайно метнулся к задним рядам и пересекся с Полиной. Парень нахмурился, разглядывая её, и громко спросил на весь класс: — Привет, Вишневская. Ты чего синяя такая? Замерзла?

Полина судорожно сжала кулаки под партой, вонзая ногти в ладони и мысленно умоляя Влада успокоиться. Тень, подчиняясь её внутреннему приказу, медленно осела обратно в угол, свернувшись плотным черным клубком.

— Всё нормально, — тихо, почти беззвучно ответила она, надеясь, что от нее отстанут.

— Оставь её, Тём, — резко бросила Валерия, даже не повернув головы в сторону брата. Она достала из сумочки маленькое круглое зеркальце и принялась придирчиво разглядывать свой идеальный макияж. — У нее своя атмосфера, не порть человеку медитацию.

В этот момент в класс вошел учитель истории, Семен Михайлович — пожилой, грузный мужчина с вечно усталыми глазами. Он тяжело опустил на стол стопку учебников, поправил очки на переносице и оглядел притихших учеников.

— Садитесь, девятый «Б». Сегодня у нас будет организационное занятие, — он постучал ручкой по трибуне, призывая к порядку. — Как вы все, я думаю, знаете из новостей, через две недели начинается снос руин усадьбы Залесье. Это печальное, но неизбежное событие — здание признано аварийным. В связи с этим город утвердил для выпускных классов проект по краеведению. Наша задача — собрать финальный исторический архив усадьбы. Работать будете парами. Сразу предупреждаю: состав пар определила школьная электронная программа случайным образом, так что без обид и споров.

По классу тут же пронесся недовольный, разочарованный гул. Полина замерла, сжавшись в комок. Ей нельзя было ни с кем сближаться, нельзя было никого пускать в свою жизнь. Если кто-то узнает, что она не пьет таблетки, или заметит странности с тенями, маме тут же донесут, и Анну это просто уничтожит.

Семен Михайлович повернулся к интерактивной доске и вывел список на экран. Полина быстро скользнула взглядом по строчкам и почувствовала, как её сердце бешено заколотилось, а в груди разливается липкий холод. Напротив её фамилии четкими буквами было написано имя напарника.

Полина Вишневская — Артём Маликов.

Стул позади Валерии с оглушительным грохотом отодвинулся, прочертив ножками по линолеуму. Сестра Артёма резко вскочила, её лицо исказилось от ярости, а вся её напускная аристократичность слетела в одну секунду.

— Семен Михайлович, это какая-то глупая шутка?! — выкрикнула Валерия на весь кабинет. Ее голос дрожал от злости и уязвленной гордости. — Мой брат не будет работать в паре с… ней! У неё же справка из психушки есть, если вы забыли! Она невменяемая!

В классе повисла мертвая, звенящая тишина. Полина почувствовала, как краска стыда мгновенно заливает лицо, уши, шею. Ей хотелось провалиться сквозь землю под тридцатью парами уставившихся на нее глаз. Кто-то на средних рядах тихо хмыкнул, кто-то сочувственно отвел взгляд, но большинство просто замерли в ожидании грандиозного школьного скандала. Стена за спиной Полины начала стремительно покрываться тонкой, едва заметной коркой инея.

— Лера, закрой рот и сядь на место, — вдруг резко, жестко и очень отчетливо произнес Артём.

Его привычной добродушной улыбки как не бывало. Он потемнел лицом и смерил сестру таким взглядом, что Валерия осеклась на полуслове. Артём повернулся к учителю, стараясь говорить спокойно:

— Всё нормально, Семен Михайлович. Программа выбрала, значит, мы работаем. Никаких проблем.

Валерия ожгла брата полным ненависти взглядом, громко фыркнула и со злостью опустилась на стул, демонстративно отвернувшись к окну. Учитель строго постучал ручкой по столу, призывая класс к порядку и пытаясь сгладить неловкость, но Полина его уже не слышала. Удар был нанесен прямо в сердце.

Весь оставшийся день превратился для нее в затяжной кошмар. Одноклассники шептались за ее спиной на каждой перемене, провожая её косыми взглядами. Валерия и её подруги демонстративно обходили Полину по широкой дуге, громко смеясь ей вслед. Артём больше не оборачивался и не подходил — он сидел хмурый, уткнувшись в свой телефон, явно переживая из-за ссоры с сестрой.

После финального звонка Полина намеренно задерживалась в опустевшем классе, а потом в раздевалке, делая вид, что никак не может найти ключи или застегнуть куртку. Ей

отчаянно хотелось выйти на улицу тогда, когда школа полностью опустеет, чтобы ни на кого не наткнуться.

По пути домой Влад следовал за ней огромным маслянистым пятном. Он перетекал по серым бетонным заборам, стенам панельных многоэтажек и стволам старых тополей. Его белые глаза-точки беспокойно и часто пульсировали в темноте подворотен. Он кожей чувствовал её обиду, унижение и боль, и поэтому воздух вокруг Полины оставался морозным, леденящим, несмотря на довольно теплый осенний день.

Дома было абсолютно тихо. Мама Анна еще не вернулась со своей тяжелой двенадцатичасовой смены в больнице, и Полина впервые за весь этот бесконечный день смогла по-настоящему выдохнуть. Она со скрученным от нервного спазма желудком сбросила рюкзак на пол в прихожей, заперлась в своей комнате и без сил опустилась на ковер, прижавшись спиной к деревянному каркасу кровати. На глаза наконец-то навернулись слезы, которые она сдерживала изо всех сил последние несколько часов.

Черный силуэт Влада плавно перетек с входной двери на обои прямо над её головой. Из густого маслянистого мрака медленно вытянулась длинная дымчатая рука. Она зависла в воздухе всего в сантиметре от дрожащего плеча Полины. Настоящего физического тепла от этой руки не было и быть не могло, но сейчас ледяная, космическая прохлада Влада ощущалась Полиной как самое лучшее, успокаивающее лекарство. В его молчаливом, бессловесном присутствии было гораздо больше понимания и поддержки, чем во всех правильных и сухих словах докторов, у которых она побывала за этот год.

Полина закрыла глаза, позволяя слезам катиться по щекам, и почувствовала, как внутри нее ворочается тяжелая, глухая пустота одиночества.

— Они все считают меня сумасшедшей, Влад, — прошептала она в пустоту темнеющей комнаты, шмыгая носом. — Абсолютно все. Для них я просто дефектная.

Тень над ней сочувственно колыхнулась, рваные дымчатые края вытянулись, и в её сознании снова, как тихий, едва различимый шелест сгорающей бумаги, отозвался его далекий, тоскливый вздох. Влад был накрепко привязан к ней этой ментальной пустотой, и сегодня им обоим нужно было набраться сил перед тем, что ждало их впереди. Ведь на часах тринадцать дней до сноса, и времени на слабость у них просто не оставалось.

Глава 4. Стеклянные стены

Сумерки за окном сгустились быстро, окрасив комнату Полины в грязно-синие тона. Она так и не включила свет. Она сидела на полу, положив подбородок на колени, и слушала, как в тишине квартиры тикают настенные часы в коридоре. Влад оставался над ней. Его дымчатый силуэт почти слился с темнотой, и только две белые точки глаз мерцали, как далекие, холодные звезды. Рядом с ним Полина не чувствовала себя одинокой. Это было странно: существо, от которого нормальный человек бежал бы с криком, дарило ей больше покоя, чем весь этот правильный, стерильный мир.

Около восьми вечера в прихожей звякнули ключи. Влад мгновенно, беззвучно перетек по стене в самый дальний угол за шкаф, спрятав свои фосфорные глаза.

Полина судорожно вытерла рукавом худи сухие следы слез, поднялась с пола и включила настольную лампу, наводя на столе видимость порядка. Донеслась тяжелая мамина походка. Анна возвращалась со смены изможденной: медицинская шапочка оставила на ее лбу красную полосу, глаза покраснели от недосыпа. Но стоило ей взглянуть на дочь, как в ее взгляде вспыхнул этот привычный, сканирующий профессиональный интерес. Мама-медик включалась мгновенно. Она подошла ближе, мягко взяла Полину за подбородок и повернула ее лицо к свету.

— Ты плакала? — в голосе Анны звенящей нотой прорезалась паника. — Поля, что случилось? Живот болит? Голова? В школе кто-то обидел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.